

ТОЛЬКО ЭТОТ НАГЛЫЙ
МАЖОР МОЖЕТ
МЕНЯ СПАСТИ...

ОДЕРЖИМОСТЬ ПАСЫНКА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Злата Зорич

**Одержимость пасынка.
Разведенка для мажора**

«Литнет»

2026

Зорич З.

Одержимость пасынка. Разведенка для мажора / З. Зорич —
«Литнет», 2026

— Мне нужен компромат на твоего отца...— Я помогу, но цена вопроса —
ночь в моей постели...Мой бывший муж — влиятельный олигарх — хочет
отобрать нашу дочь. Завтра суд, и я на грани отчаяния. Единственный, у кого
есть возможность остановить этого монстра — Кирилл. Дерзкий, циничный
мажор. И... мой бывший пасынок.Он презирал меня все те годы, пока я
была замужем за его отцом. Или... безумно вожделем, скрывая одержимость
за маской ненависти?Нам нельзя. Мы нарушаем запреты. Но только этот
наглый мажор может меня спасти...В тексте вас ждут:Очень откровенные
сцены! Властный, одержимый геройЗапретная страсть и невероятный накал
эмоцийОт ненависти до любвиМесть бывшему мужуРазница в возрасте
(героиня старше)Обязательный Хэппи-Энд!

© Зорич З., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Глава 1

— Ты никто, Ева. Жалкая приживалка, — хриплый, прокуренный голос Влада в трубке сочится ядом. — Завтра суд. Молись, чтобы тебе разрешили видеть дочь хотя бы раз в месяц.

Короткие гудки бьют по барабанным перепонкам. Я продолжаю сжимать телефон так, что белеют костяшки пальцев, а ногти до боли впиваются в ладонь.

Влад не блефует. У него есть деньги, связи, влияние. Он действительно отберет у меня мою маленькую принцессу, а меня саму сотрет в порошок. У меня не осталось никаких законных способов защититься. Мой адвокат сегодня утром просто развел руками и посоветовал «договориться по-хорошему».

Но по-хорошему с монстром нельзя.

Я поднимаю глаза. Напротив меня, через дорогу, сияет огнями вывеска ночного клуба. Внутри находится единственный человек, способный остановить Влада.

Кирилл. Мой пасынок. Наглый, порочный мажор, который люто ненавидит меня за то, что когда-то я "увела" его отца из семьи. Ненавидит со всей яростью, на какую только способен человек.

Его, кстати, тоже когда-то забрали у матери... Правда, прожил он с нами меньше полугода — едва достигнув совершеннолетия, ушёл из дома и порвал все отношения с отцом.

Сейчас Кирилл — главный враг своего отца. Он давно встал на ноги, заработал состояние чем-то явно противозаконным и теперь постепенно забирает его бизнес. Мстит ему за мать... И я точно знаю: у Кирилла есть папка с компроматом, способная уничтожить Влада. Похоронить его репутацию и спасти мою дочь.

Мои пальцы дрожат, когда я поправляю вырез красного шелкового платья — единственная дорогая вещь, которая осталась от моей роскошной жизни в доме олигарха. Страх сковывает тело, к горлу подступает тошнота от одной мысли о том, *что именно* Кирилл мне скажет.

Он точно захочет отыграться за все годы своей ненависти. Размазать мою гордость...

Но мне уже плевать. Если нужно будет ползти к нему на коленях через весь этот чертов клуб — я это сделаю.

Я прячу телефон в сумочку и делаю шаг к дверям. Внутри всё горит от предчувствия катастрофы, но у меня нет другого выхода...

Два двухметровых секьюрити преградили мне путь. Один из них, мазнув взглядом по моему декольте, прищуривается. Я слишком хорошо знаю этот взгляд. Насмешка, смешанная с узнаванием. Наверное, они уже в курсе моей безнадежной ситуации.

— Клуб закрыт на приватное обслуживание, Ева Николаевна, — цедит охранник. — Сегодня частная вечеринка. Списки утверждал лично владелец. Вас в них нет.

Я расправляю плечи и заставляю себя высоко поднять подбородок.

— Я к Кириллу, — мой голос звучит на удивление твердо. Ледяной тон, к которому привыкли слуги в доме мужа. — Передай ему, что я здесь. Он меня примет.

Охранник кривит губы в циничной ухмылке, достает рацию, но не успевает нажать на кнопку. Дверь за его спиной приоткрывается, и на пороге возникает начальник охраны Кирилла. Он окидывает меня быстрым, сканирующим взглядом и коротко бросает:

— Пропусти. Шеф ждет.

Ждет? Сердце пропускает удар и пускается вскачь, болезненно стуча в ребра. Значит, он знал. Видел через уличные камеры видеонаблюдения, как я топчусь у входа, набираясь решимости?

Я переступаю порог, и меня мгновенно оглушает вибрирующая волна басов. Внутри царит полумрак. Тяжелый запах дорогого парфюма, элитного алкоголя и кальяна заполняет

легкие. Полуобнаженные тела повсюду — всё это кажется нереальным. Я никогда раньше не бывала в таких местах. Всё здесь пропитано пороком.

Мы поднимаемся на второй этаж, в вип-зону. Секьюрити открывает передо мной дверь.

Я делаю шаг, и за моей спиной с мягким щелчком закрывается замок, отрезая отступление.

Кирилл сидит, вальяжно раскинувшись на диване. Его черная рубашка распахнута, демонстрируя хищные татуировки, поднимающиеся от живота к шее. На широком запястье тускло поблескивают массивные дорогие часы. На столе перед ним стоит полупустой стакан с виски. А на коленях сидит почти голая девушка...

Он не здоровается. Просто молча смотрит на меня. Медленно, по-хозяйски сканирует с ног до головы. Его взгляд — тяжелый, липкий, обжигающий — скользит по моим растрепавшимся волосам, опускается к глубокому вырезу платья, задерживается на дрожащих пальцах, сжимающих сумочку. Кожа в тех местах, где задерживается его взор, мгновенно покрывается колкими мурашками.

Этот парень, которого я помнила подростком, превратился в опасного, матерого хищника. И сейчас я добровольно зашла в его клетку.

Кирилл медленно подносит стакан к губам, делает глоток, не сводя с меня темных глаз.

— Надо же, — тишину рушит его низкий, бархатный голос, в котором сквозит откровенное торжество. — Какая честь. Сама Ева Николаевна снизошла до моего вертепа. Что же случилось? Папочка забыл выдать карманные деньги на новые туфли?

Я перевожу дыхание и делаю два шага вперед, ближе к его столу. В горле пересохло так, что язык едва ворочается.

— Думаю, ты в курсе, что твой отец выбросил меня на улицу без копейки. Но мне плевать на деньги... Завтра у нас суд. Он хочет лишить меня родительских прав и навсегда отобрать Алику. Понимаешь?

Кирилл жестом заставляет полуголую стриптизершу встать с его колен и выйти вон. Он лениво крутит стакан в руке, наблюдая, как кусочки льда бьются о стекло.

— И что? — равнодушно роняет он, бросая на меня короткий, колючий взгляд. — Какое отношение проблемы бывшей жены моего отца имеют ко мне? Вы разводитесь — вы и разгребайте свое дерьмо.

— Я знаю, что у тебя есть на него компромат! Если ты передашь их моему адвокату, Владу будет не до суда за ребенка. Ему придется спасти собственную шкуру. Кирилл, я умоляю тебя... помоги мне. Спаси мою дочь.

Кирилл медленно ставит стакан на стол и плавно поднимается из кресла. Высокий, широкоплечий, подавляющий своей мощью.

— Помочь тебе? — он усмехнулся. — Ты серьезно? Неужели больше не к кому обратиться?

Я отрицательно покачала головой.

Он обходит стол, медленно, по-хищному приближаясь ко мне. Я хочу отступить, сбежать, но ноги словно налились свинцом.

Кирилл останавливается в полушаге от меня. Я чувствую жар, исходящий от его тела, и густой, дурманящий запах его парфюма с нотами дорогого табака.

— Я ненавижу отца, — цедит он сквозь зубы. — Но тебя, Ева, я ненавижу ещё больше. И я и пальцем не пошевелю, чтобы облегчить тебе жизнь. Ступай на все четыре стороны. Разговор окончен.

Он отворачивается, собираясь вернуться к своему дивану. Моя гордость, выдержка, остатки самоуважения — всё летит в пропасть.

— Кирилл, стой! Пожалуйста! — я хватаю его за локоть. Под тонкой тканью его рубашки перекачиваются жесткие мускулы. — Пожалуйста... Я сделаю всё, что угодно. Любые условия, любые деньги, которые я когда-нибудь смогу заплатить...

Кирилл медленно поворачивает голову, и я вижу, как темнеют его зрачки, затапливая радужку. В них больше нет холодного равнодушия — там бушует темная, яростная буря.

Он резко перехватывает мое запястье и одним жестким движением вжимает меня спиной в стену. Я вскрикиваю, судорожно втягивая воздух. Моя грудь вздымается, практически касаясь его груди. Кирилл нависает сверху. От его близости, от безумного страха и странного, запретного электричества, прошившего тело, у меня кружится голова.

Он опускает взгляд к моим губам, его дыхание — горячее, рваное — опалает мою кожу.

— Любые условия? — его голос падает до опасного, вибрирующего шепота, от которого внутри всё сладко и страшно тянет. Он сильнее сжимает мое запястье, заставляя меня выгнуть спину. — На что именно ты готова, Ева? Что ты можешь дать мне такого, чего я не могу взять сам?

Глава 2

Я молчу, не в состоянии выдать ни слова, пока он вот так прижимается ко мне.

— Ты сказала, что согласна на любые условия? — шепчет Кирилл, и у меня по коже проносится табул ледяных мурашек.

Он медленно опускает взгляд на мою ладонь, всё еще сжимающую его локоть. Я тут же отдергиваю руку, словно обжегшись о раскаленный металл. Кирилл выпускает меня из своего захвата и начинает медленно обходить меня по кругу. Как хищник, который изучает попавшую в капкан жертву.

— И что же ты мне предложишь? — его голос звучит обманчиво мягко, почти лениво. — Деньги? Папочка заблокировал все твои счета. Твои бриллианты? Юристы отсудят их обратно. Твоя гордость? Так ты её только что принесла мне на блюдечке. Что ты, нищая, выброшенная на улицу разведенка, можешь мне дать?

— Я найду работу, — мой голос предательски дрожит, но я отчаянно пытаюсь придать ему вес. — Я подпишу любые долговые расписки. Буду отдавать тебе три четверти того, что заработаю. Сколько бы времени это ни заняло!

Кирилл останавливается прямо за моей спиной. Его дыхание касается затылка, и я невольно сжимаю кулаки.

— Знаешь, сколько стоит папка с компроматом, которая лежит в моем сейфе? Миллионы. Это цена свободы твоего бывшего мужа. Сколько жизней тебе понадобится, чтобы отработать эти деньги?

Теперь он так близко, что я вижу сумасшедшую пульсацию жилки на его шее, прямо над татуировкой. Его темные глаза сканируют мое лицо, а затем опускаются ниже.

— Ты ведь пришла в платье моего любимого цвета, — шепчет он, и в его голосе прорезается опасная, хриплая нота. — Отец всегда требовал, чтобы ты одевалась в него, верно? Хотел, чтобы все исходило слюной, глядя на его молодую жену. И я исходил...

Мое дыхание перехватывает. Сердце делает дикий, болезненный кульбит и застревает где-то в гортани. *Что он говорит?..*

— Ты сказала, что готова на любые условия... Значит ли это, что если я прикажу тебе прямо сейчас встать передо мной на колени... ты встанешь?

В глазах темнеет. Пальцы леденеют от ужаса и подступающего унижения. Он хочет растоптать меня. Стереть в порошок.

Я смотрю в его безжалостное, невероятно красивое лицо, сглатываю горькую слюну и едва заметно киваю.

— Если ты pomoжешь мне... да. Я встану.

Вспышка. Глаза Кирилла на мгновение сужаются, зрачки расширяются, почти полностью затопливая радужку. На его скулах отчетливо перекатываются желваки. Моя покорность не радует его — она злит его еще сильнее.

— Только я хочу большего, — его голос падает до опасного, порочного шепота прямо у моих губ. — Гораздо большего. Цена вопроса — ты в моей постели. Всего одна ночь. И папка с компроматом твоя...

Моё лицо мгновенно обдаёт удушливым, яростным жаром. Кровь приливает к щекам так стремительно, что в ушах начинает настойчиво звенеть. Какая дикость... Какое унижение!

Я открываю рот, чтобы выплюнуть ему в лицо свое «нет», но Кирилл не ждет. Его свободная ладонь скользит вниз по шелку платья, бесцеремонно опускается на мою талию, а затем грубо сжимается прямо на моей ягодице, сильно притискивая меня к своему жесткому паху.

Хлесткий звук пощечины разрывает тишину кабинета раньше, чем я успеваю сообразить, что делаю.

Моя ладонь горит от удара. На несколько секунд Кирилл замирает, тяжело дыша, а на его скуле медленно проступает след от моих пальцев.

— Никогда не бывать этому! — шепчу я. — Ты рехнулся...

— Тогда вали отсюда, — цедит он сквозь зубы, резко отпуская мое запястье. — Проваливай, Ева. Беги к папочке и послушно отдай ему дочь.

Его тяжелая ладонь снова впечатывается сзади, еще грубее и по-хозяйски сминая мою плоть через шелк, словно ставит несмываемое клеймо.

— На выход!

Вырвавшись, я толкаю тяжелую дверь и буквально вылетаю из его вип-комнаты. Сердце колотится где-то в горле, легкие горят. На дрожащих ногах я влетаю в туалетную комнату и с грохотом запираю дверь на защелку.

Включаю ледяную воду. Набираю полные ладони и швыряю её в лицо раз за разом, пытаюсь смыть этот удушливый жар. Кожа горит там, где он прикасался. На заднице до сих пор будто ощущается отчетливый, обжигающий отпечаток его ладони.

Я поднимаю глаза и смотрю на свое отражение в огромном зеркале с неоновой подсветкой. Оцениваю себя.

Да, роды и возраст не прошли бесследно. Тяжелый брак с Владом оставили свои следы. Под глазами залегли легкие тени, в глубине зрачков — разочарование и смертельная усталость. Но я всё еще чертовски хороша. Тонкая талия, высокая грудь, которая сейчас судорожно вздымается, округлые, манящие бедра. Платье подчеркивает каждый изгиб тела. Я не развалина. Я женщина в самом пике своей красоты, зрелой и чувственной.

А Кирилл...

Я закрываю глаза, и перед мысленным взором встает его образ. Опасный, порочный, невероятно породистый. Рост под метр девяносто, широченный разворот плеч, литые мускулы, покрытые темной вязью татуировок. В нем чувствуется бешеная, молодая, бьющая через край тестостероновая сила. Рядом с ним мой бывший муж кажется увядающим, дряблым стариком. От одного взгляда Кирилла, от его низкого хриплого голоса внутри всё переворачивается и сладко тянет, вопреки всякой логике.

«Так нельзя, — бьется в голове паническая мысль. — Это неправильно. Он же твой пасынок!»

Но... я открываю глаза и смотрю правде в лицо.

На одной чаше весов — полная, окончательная катастрофа. Загубленная жизнь и дочь, которую у меня отнимут навсегда. На другой чаше — всего одна ночь. Ночь с молодым, горячим, умопомрачительным парнем.

Да, он мой бывший пасынок. Но почему, черт возьми, меня вообще должно это волновать? Мы чужие друг другу люди! Абсолютно свободные мужчина и женщина.

Страх уступает место холодной, злой решимости. Больше не будет слабой Евы, которую можно выставить на улицу как ненужную вещь. Ради ребенка я перешагну через любое табу.

Я гордо вскидываю голову, поправляю растрепавшиеся локоны, стираю влажным пальцем потекшую тушь под глазами и расправляю плечи.

И возвращаюсь в его кабинет.

Кирилл сидит на диване и неторопливо допивает свой виски. Услышав стук моих каблуков, он медленно поднимает глаза. На его губах играет привычная, циничная ухмылка, но взгляд жадно сканирует меня с головы до ног.

— Ну что, мачеха? Передумала? — насмешливо бросает он, поигрывая тяжелым стаканом.

Я останавливаюсь посреди комнаты. Внутри меня всё дрожит от напряжения, но внешне я — лед и гранит. Смотрю прямо в его темные, опасные глаза и чеканю:

— Ну если ты так сильно этого хочешь...

И в ту же секунду ухмылка слетает с его лица. Я отчетливо вижу, что мои слова бьют прямо в больное место. *Но почему он реагирует так странно?*

Глава 3

Кирилл

«Если ты так сильно этого хочешь...»

Эти слова бьют под дых. Наотмашь. Словно Ева сунула руку мне прямо в грудную клетку и наживую сжала сердце своими тонкими пальцами.

Хочу ли я этого? Да я, черт возьми, подыхаю от этого желания!

Уже в тот самый, первый день, когда отец привел её в наш дом — сексуальную, манкую, невыносимо красивую — я понял, что обречен. Я должен был ненавидеть её. Мою мать выкинули ни с чем, а папочка покупал этой сучке очередные бриллианты...

Но правда в том, что я внушал себе эту ненависть. Скалил зубы, швырял в неё самые грязные ругательства, сыпал ядовитыми шпильками, заставлял её вздрагивать от каждого моего появления.

А сам... сам каждую чертову ночь думал. Представлял. Фантазировал. Как именно. Сколько раз. В каких позах.

Как она будет принадлежать только мне...

Я съехал из отцовского особняка — вернее сказать, просто сбежал — потому что твёрдо понял, что еще одна ночь с ней под одной крышей, и я сорвусь. Заберу её себе силой.

Это было безумие. Дикая, больная, извращенная одержимость мачехой, которая сожрала меня до костей.

И вот сейчас она стоит передо мной. Беззащитная. Разоренная. Униженная. Мой ублюдок-отец выставил её на улицу без гроша, и она приползла просить помощи. У меня! У того, кто должен её ненавидеть!

Внутри меня с грохотом срывается с цепи первобытный, изголодавшийся зверь. В голове лавиной вспыхивают самые темные, грязные мысли.

Я возьму свое. За каждую бессонную ночь. За каждую безумную фантазию.

Я не буду с ней нежным. Никаких розовых соплей и прелюдий. Я поставлю её раком у панорамного окна, чтобы ночной город у её ног видел, кто теперь её хозяин. Вцеплюсь пальцами в её округлые бедра так, чтобы остались багровые синяки, выгну её изящную спину и буду брать жестко, глубоко, до хрипа, пока она не забудет собственное имя.

Потом переверну её на спину, заставлю смотреть мне в глаза и подчиню себе каждый миллиметр её тела. Я исследую её всю, до самого последнего потаенного уголка, заставлю делать то, о чем она в своей жизни даже подумать боялась. Она изведает все виды удовольствия и греха, которые я для неё приготовил. Я заставлю её умолять, скулить от дикого наслаждения, захлебываться собственными стонами и кричать мое имя, пока у неё не сорвется голос.

Сейчас она, наверно, думает — *что такое всего лишь одна ночь?* Всё можно вытерпеть. Наивная, глупая Ева. Ты себе даже не представляешь, чтоя успею сделать с тобой. Я точно не планирую вынимать из тебя член до рассвета.

Я смотрю на то, как судорожно вздымается её высокая грудь, и чувствую, как в паху разливается тяжелый, свинцовый жар. Джинсы давят до боли, член встает колом от одной мысли, что эта женщина сейчас полностью в моей власти.

Но я заставляю себя вернуть на лицо холодную, циничную маску. Рано. Нельзя показывать, как сильно меня ведет от одного её дыхания.

— Наконец-то ты включила мозги, мачеха, — медленно произношу я, отставляя стакан с виски в сторону. — Раздевайся. Прямо сейчас. Я хочу видеть, за что именно отдам миллионы. Хочу хорошенько всё рассмотреть...

— Кирилл, пожалуйста... Пусть они уйдут, — она бросает панический взгляд в сторону дверей, где в полумраке замерли два моих телохранителя.

Она дрожит, как осиновый лист, но пытается выторговать хотя бы крохи конфиденциальности.

— Охрана останется там, где стоит, — отрезаю я. — Или ты слушаешься меня и делаешь в точности всё, что я говорю, или проваливай... Время пошло.

Ева медленно заводит руки за спину. С тихим, зловещим в этой тишине звуком «молния» на её алом платье расходится. Шелк послушно соскальзывает с её плеч, обнажая изящные ключицы, струится ниже по округлым бедрам и тяжелым водопадом падает к её ногам, оставляя её стоять посреди комнаты в одном белье.

У меня внутри в ту же секунду вышибает все предохранители. Кровь с глухим рокотом бросается в голову.

На ней комплект из тончайшего алого кружева. Почти прозрачный лифчик и крошечные стринги, которые практически ничего не скрывают.

Она идеальна. Ни одна из тех молоденьких моделек и стрипух, которых я пачками имел в этом клубе, не стояли даже близко с этой зрелой, сочной, умопомрачительной женщиной. Возраст только добавил ей роскошной, тягучей женственности.

Я медленно подхожу вплотную, заставив себя заложить руки за спину, чтобы не наброситься на неё прямо сейчас. Начинаю неторопливый обход, осматриваю её, как вещь на восточном базаре.

Её грудь — большая, тяжелая, налитая — судорожно вздымается, едва удерживаемая тонкими бретельками. Сквозь прозрачную ткань отчетливо видны напряженные соски. Они напряглись от холода или... Или она также возбуждена, как и я?

Глупости. Бред это всё. В эту минуту она меня просто ненавидит.

Тонкая талия плавно переходит в широкие, по-настоящему сочные бедра. А когда я захожу со спины, у меня перехватывает дыхание: её попа — округлая, аппетитная — кажется невероятно соблазнительной в полоске этих стрингов.

— Повернись, — команду я.

Она послушно разворачивается. Я протягиваю руку. Мои пальцы, покрытые татуировками, ложатся на её бедро. Кожа Евы — как дорогой атлас, горячая, бархатистая. Я бесцеремонно, грубо сжимаю её плоть, оценивая мягкость, скольжу ладонью выше, очерчивая изгиб талии, и слегка толкаю пальцами вниз край её алых трусиков, проверяя степень её покорности. Ева судорожно втягивает живот, её тело покрывается мелкой гусиной кожей, но она не двигается с места.

Я тешу свое эго, упиваясь властью над женщиной, которая когда-то казалась мне недосягаемой.

Но тут я наконец перевожу взгляд с её роскошного, развратного тела вверх. На её лицо. И весь мой циничный триумф в ту же секунду рассыпаются в прах.

Её глаза. Огромные, карие глаза сейчас до краев полны слез. Они не текут по щекам — она удерживает их из последних сил, но этот взгляд... в нем столько всего, что меня прошибает током. Её прекрасные, пухлые, соблазнительные губы, которые я мечтал попробовать на вкус миллион раз, дрожат. Она закусывает нижнюю губу, пытаясь сдержать всхлип, и этот беззащитный жест бьет меня под дых сильнее кулака.

Всё летит к чертям, уступая место чистой, первобытной ярости вожделения. Я больше не могу играть роль холодного покупателя. Мне мало её покорности. Мне нужна она вся. Вся, до последнего вздоха!

— К черту... — хриплю я, теряя остатки самообладания.

Я резко сокращаю разделяющее нас расстояние, хватаю её за затылок, жестко вплетая пальцы в её темные волосы, и впиваюсь в её дрожащие губы голодным поцелуем.

Я целую её исступленно, до боли, почти кусая её нежную плоть, сминая её губы своими, выпивая её задушенный стон. Заставляю её раскрыться навстречу моей ярости. Другой рукой

я намертво притягиваю её за талию к себе, вжимая её голый, горячий живот в свою жесткую пряжку ремня, чувствуя, как она плавится в моих руках, теряя точку опоры.

Глава 4

То, как Кирилл заставляет меня раздеться под бесстрастными взглядами своих амбалов, едва не ломает меня. Мою гордость. Мою броню. Я чувствую себя вещью. Товаром, который лениво осматривает пресыщенный покупатель. Я стою в шаге от того, чтобы заплакать.

И именно в этот момент он делает то, что заставляет меня забыть не только об унижении, а вообще обо всем...

Его рот врывается в мои губы с такой сокрушительной страстью, что слезы замирают, так и не скатившись по щекам. Он не целует меня — скорее, кусает. Жестко, голодно сминает мои губы.

Эта неподдельная страстность, которую я совсем не ожидаю от него, выбивает у меня из легких весь кислород, но и заглушает панику. Его зубы остро прихватывают мою нижнюю губу, заставляя балансировать на грани боли и какого-то дикого удовольствия. Я больше не могу думать ни о чем. Мои чувства сужаются до его дыхания, вкуса его горячего языка и стальных пальцев, до боли впивающихся в мой затылок.

Даже после того, как он отрывается от моих губ, Кирилл не позволяет мне одеться. Он перехватывает мое запястье и ведет за собой к двери, за которой находится приватный лифт, ведущий напрямик в его пентхаус.

Я иду за ним в одном прозрачном белье, которое ничего не скрывает от его потемневших глаз, и в босоножках на убийственно высоких каблуках...

В погруженном в полумрак пентхаусе царит тишина.

— Не снимай шпильки, — бросает мне Кирилл, как только мы переступаем порог. — Буду трахать тебя прямо в них...

Он тут же скидывает свою черную рубашку.

Я невольно сглатываю. Какой же он огромный! Какая дикая, подавляющая мужская сила исходит от него...

У меня никогда не бывает такого мужчины.

Его торс — это литые, каменные мускулы, перекатывающиеся под загорелой кожей. Джинсы сидят низко на его бедрах, и я не могу не заметить, каким огромным, твердым бугром выделяется под плотной тканью его вставший колом член.

Он тоже не сводит с меня глаз. Скользит по моей груди, которая едва удерживается прозрачным лифчиком, опускается к плоскому животу и задерживается на узкой полоске стрингов, утопающих в моих бедрах.

— Подойди к окну, — командует он. От его голоса с хрипылыми, вибрирующими нотками у меня внутри всё испуганно и сладко сжимается.

Я останавливаюсь в полушаге от панорамного окна во всю стену, вынужденная закинуть голову вверх, чтобы смотреть ему в глаза. Из-за каблуков я кажусь выше, но Кирилл всё равно возвышается надо мной, как скала. Он смотрит на меня так... Что мне становится страшно. По-настоящему страшно за то, что он будет делать со мной этой ночью.

— Это какое-то безумие... Нам нельзя, — срывается с моих дрожащих губ едва слышный шепот. — Это неправильно. Ты же сам это прекрасно понимаешь...

— Нам всё можно, — он подходит ко мне, и я ощущаю кожей жар, исходящий от него. — Всё, чего я захочу. И мы уже договорились... Так что займи свой ротик чем-то более важным, чем пустая болтовня. Тебе она точно уже не поможет...

Прежде чем я успеваю что-то ответить, его большие, горячие ладони бесцеремонно ложатся на мои бедра. Пальцы с силой впиваются в мягкую плоть, сминая её, и он рывком притягивает меня к себе.

Я вскрикиваю, когда мой голый живот соприкасается с его ледяной бляшкой ремня и жесткой джинсой, под которой скрывается его пульсирующий, каменный орган. Я вынуждена ухватиться за его плечи, чтобы не упасть.

Кирилл наклоняется, его губы оказываются в миллиметре от моего уха. Его горячее дыхание обжигает нежную кожу, заставляя меня крупно задрожать.

— Я заставлю тебя скулить от удовольствия. Но сначала... На колени!

Я опускаюсь вниз. Его джинсы оказываются прямо перед моим лицом. Я чувствую животный жар, исходящий от него. Слышу его рваное, тяжелое дыхание.

— Смотри на меня, Ева, — раздается над моей головой его приказ. — Смотри, пока будешь мне сосать.

Он расстегивает ремень, затем ширинку и... являет мне свою мужскую силу.

Да уж, природа награждает Кирилла со всей щедростью... Его член, налитый и обжигающий жаром, кажется невероятно внушительным. На темной, пульсирующей коже отчетливо проступают напряженные вены. Он тверд как камень. Огромный, пульсирующий, требующий немедленного подчинения...

А у меня в груди снова разливается холодок. Да он же просто не влезет в меня. Даже в рот, куда он прямо сейчас хочет его засунуть!

Но тут Кирилл снова запускает пальцы в мои волосы и настойчиво меня подталкивает... Мои губы мгновенно пересыхают, а горло сжимается.

— Ну же, Ева, — раздается его хриплый шепот. — Не заставляй меня ждать. Попробуй меня.

Я закрываю глаза и делаю первый шаг в этот омут... Касаюсь осторожно — только губами и языком.

— Возьми его в рот, — нетерпеливо требует Кирилл, хватая меня за волосы и заставляя податься ближе. — Ты ведь знаешь, что нужно делать. Ну же!

Моя нерешительность только раззадоривает зверя.

Он не оставляет мне выбора. Не ждет, пока я соберусь с духом. Одним движением бедер Кирилл сам подается вперед, заставляя мои губы раскрыться, и проникает глубоко. До самого горла.

И начинает двигаться — жестко, ритмично, глубоко. Мне не нужно ничего делать — он имеет меня сам. Всё, что от меня требуется — это не подавиться. Что вообще-то уже непростая задача...

Мои ладони ложатся на его горячие, напряженные бедра — я пытаюсь хотя бы так его контролировать. Чтобы он не толкнулся слишком глубоко...

Но его пальцы еще сильнее впиваются в мои волосы, фиксируя мою голову.

И вопреки всему внутри меня начинает подниматься волна ответного напряжения. Мое тело, тоскующее по бешеной, молодой страсти, начинает предательски отзываться на то, что он со мной делает.

— Достаточно, — резко выдыхает он, когда мне уже начинает казаться, что он вот-вот кончит.

— Вытащи её, — его взгляд устремляется к алому кружеву моего лифчика. — И сожми...

Я послушно завожу дрожащие пальцы за спину, но он останавливает меня.

— Нет, не снимай лифчик. Просто вытащи их...

Я освобождаю грудь из плена, приспуская ткань. Его ладони грубо, по-хозяйски сжимают сочную плоть, сминают её, а потом... Он берет в руки свой член и укладывает его прямо в ложбинку между грудей.

Потом прижимает меня спиной к холодному стеклу окна и начинает двигаться.

Выступающий на моей коже пот смешивается с его обильной смазкой, он размазывает её по мне. Твердая головка трется о мои соски, заставляя их напрягаться ещё сильнее.

Я запрокидываю голову назад, упираясь затылком в стекло. Мои стоны срываются с губ один за другим — я больше не могу их контролировать...

А ведь это только начало... Что же будет со мной дальше?!

Глава 5

У меня внизу, между бедрами, разливается тепло... Даже не тепло уже, а настоящий пожар! Мышцы внутри непроизвольно сжимаются, словно хотят

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.